

УДК 81.37 + 821

М. Р. Арпентьева

Калуга, Россия

СОВРЕМЕННАЯ СЮЖЕТОЛОГИЯ И БУЛЬВАРНЫЙ РОМАН

Статья посвящена результатам эмпирического и теоретического исследования бульварного романа, его функций в современной культуре и жизни, анализу сюжетов «мужских» и «женских» бульварных романов. Бульварный роман не представляет собой гомогенной группы, в частности в него входят две основные подгруппы: «романы для женщин» (романы о любви) и «романы для мужчин» («экшн-детективы»). Сравнение этих подгрупп показало сходство сюжетов бульварных романов как «формульных историй». Оно также продемонстрировало, что многочисленные вариации одного сюжета в интерпретациях разных авторов позволяют рассматривать бульварный роман как специфический «гипертекст», смысл которого обнаруживается во взаимодействии и взаимном наложении отдельных текстов. Функция бульварного романа как явления заключается в трансляции массовому читателю некоторых базовых эффективных моделей отношений и поведения в повседневных и кризисных ситуациях – личной и профессиональной жизни, в обучении этим моделям. Многие из моделей в разной мере открыто описывают психотерапевтически ориентированные отношения, построенные на основе профессиональных мифов и представлений врачей и психологов, социологов и философов, филологов и антропологов о развитии личности и ее отношений.

Ключевые слова: бульварный роман, формульная история, психотерапевтические отношения, мифы, модели поведения, массовая культура, сюжет, сюжетология.

Бульварный роман (бульварная литература, бульварное чтение) определяется как жанр массовой литературы, повествовательные книги без выраженного художественного и культурного значения. Пишутся и издаются в расчете на неприятельный вкус массового читателя, обычно содержат завлекательную и напряженную в психологическом и ином планах интригу, полны развлекательных и занимательных эффектов, мелодраматизма и «напряженных сцен», описаний преступлений и любовных приключений и перипетий. Историю бульварного романа ведут с творчества Кс. де Монтепена, написавшего огромное число уголовно-авантюрных романов. Со второй половины позапрошлого века бульварные романы обретают популярность, печатаются по частям в газетах, издаются как бесплатные приложения к журналам, распространяются в виде отдельных книг.

Арпентьева Мариям Равильевна – доктор психологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского (ул. Разина, 26, Калуга, 248023, Россия, mariam_rav@mail.ru)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 21–31.

© М. Р. Арпентьева, 2016

Сюжеты бульварных романов напоминают страницы происшествий в городских новостях, а героями являются «обычные» люди – сыщики, воры, проститутки, бизнесмены, местами действия – притоны, дома миллионеров: «зловещее дно города и его раззолоченная пена». В России жанр был практически полностью заимствован с Запада, объединяя роман авантюрный и роман психологический. Методология сюжетологии, задаваемая поэтикой, дает широкий простор для формальных штудий любовных романов, с одной стороны, и для литературоведческих исследований интерпретативного характера, с другой: сюжетолог изучает повествования о событиях, представленных в бульварных романах, в плане того, как это сложено / сделано и почему так сложное / сделанное приводит к тем или иным конфигурациям художественного смысла, он изучает также то, как трансформируется семантика «архетипического мотива» (архетипической структуры) во времени и пространстве разных культур и эпох, исследуя богатство смыслообразующих и смыслопорождающих возможностей.

В последние десятилетия в связи с массовым появлением на книжном рынке России «бульварного романа» как отдельного вида художественных произведений многие исследователи пытались раскрыть секрет его «неоправданного» успеха у российских читателей, воспитывавшихся на произведениях классической мировой и отечественной литературы [1; 2]. Бульварный роман с момента его проникновения в Россию стал предметом многочисленных дискуссий. Однако, как и многие другие «маргинальные» жанры художественной литературы, обладающие не столько художественной, сколько «мифотворческой» функцией, вниманием исследователей бульварный роман во многом остается обойденным. Вместе с тем анализ рецептивно-эстетических и мотивных аспектов поэтики бульварного романа как одного из самых популярных и востребованных литературных жанров XX в. показывает, что при всей повторяемости системы лейтмотивов и смысловых «диссонансов» бульварные романы привлекают не только благодаря наличию предпосылок, включенных в горизонт читательских ожиданий (социологических и психологических), но и специфической «неэстетичностью» поэтического языка («на грани вкуса»), которая рождает эффект «усиления». Популярность бульварного романа и его сходство с традиционными мифами во многом объясняется его внешней простотой, способностью развлечь и отвлечь читателя, помочь в решении проблем отношений с другими людьми и выхода из кризисных ситуаций. Однако, как показывает даже поверхностный анализ языка бульварного романа, так же, как и языка традиционных мифов, его воздействие выходит далеко за пределы ситуативного настроения читателя. Многие, особенно хорошо написанные, бульварные романы не только основаны на реальных историях любви и ненависти, потерь и обретений, кризисов и преодоления в развитии личности и ее отношений с миром, но и отражают мировоззренческий опыт их авторов и поколений. При этом «бульварный роман» может рассматриваться как современный вариант мифотворчества [3; 4].

Кроме того, многочисленные вариации одного сюжета в интерпретациях разных авторов позволяют рассматривать бульварный роман как некий «гипертекст», смысл которого обнаруживается во взаимодействии и взаимном наложении отдельных текстов. Бульварный роман, написанный для неискушенного читателя, обобщающий опыт поколений, их мировоззренческие установки и открытия, через призму опыта автора, так же как и роман «психологический», написанный для более искушенных читателей и содержащий более выраженные отсылки к мифологически-мировоззренческим аспектам жизнедеятельности личности и общности, как феномен конца XX века обладает свойством интертекстуальности. Однако интертекстовые связи, которые в классической литературе и современном «психологическом романе» реализуются в пределах одного текста как интер-

текста, в бульварном романе устанавливаются только тогда, когда читатель знаком по крайней мере с несколькими отдельными текстами. Или если «наивный текст» бульварного романа становится объектом внимания «искушенного читателя». Однако, как правило, «искушенный читатель» обходит вниманием данный продукт отчасти в силу справедливого нежелания довольствоваться обедненным смыслом «мылом» в противовес возможности наслаждаться перегруженными смыслом современными «психологическими романами».

Вместе с тем функция бульварного романа как явления заключается в трансляции массовому читателю некоторых базовых эффективных моделей отношений и поведения в повседневных и кризисных ситуациях личной и профессиональной жизни, обучении этим моделям. Многие из этих моделей в разной мере открыто описывают целительные, «психотерапевтически ориентированные» отношения и подчас построены на основе профессиональных мифов и представлений врачей и психологов, социологов и философов, филологов и антропологов о развитии личности. Поскольку этот аспект бульварных романов остается наименее изученным, мы обратились к его анализу. Для этого использовался метод контент-анализа, широко известный как в филологии, так и в психологии.

Бульварный роман не представляет собой гомогенной группы, в частности, в него входят две основные подгруппы: «романы для женщин» (романы о любви) и «романы для мужчин» («экшн-детективы»). Поэтому в исследовании они были разделены и сопоставлены друг с другом.

В рамках первого направления исследований проведен контент-анализ 30 отобранных текстов «любовных романов», принадлежащих 30 известным авторам (Н. Робертс, Э. Дарси, С. Браун, Дж. Макнот, Л. Кинсейл, Э. Ричмонд, С. Джонсон, П. Джордан и др.), а также 30 текстов «мужских романов» (Д. Щербаков, А. Быстров, А. Ильин, Д. Корецкий, А. Маринина, И. Деревянко, Б. Руденко и др.), с явным «психотерапевтическим содержанием» и наличием «психотерапевтической ситуации»: наличием героя (героев), которому (которым) требуется психологическая помощь, наличием поддержки и героя (героев), который (которые) ему эту поддержку оказывают, описание ситуации психотерапевтического контакта, различных его стадий). Обратим также внимание, что «мужской роман» в России представлен преимущественно отечественными, а «женский» – зарубежными авторами: конъюнктура рынка складывается таким образом, что даже многие отечественные романы, написанные «литературными неграми» для женщин, издаются под именами зарубежных авторов. Исследователи объясняют это тем, что «стремление к отрыву от повседневной действительности и уходу от ежедневной суеты приобрело формы некоего почти религиозного движения» – эскапизма. «Апофеозом эскапистских притязаний к мировой культуре стало появление и массовое распространение любовных романов» [5, с. 53]. Главная причина популярности, по мнению исследователей, – легкость изложения, лихо закрученный сюжет и неизменный хеппи-энд.

Бульварный роман, таким образом, можно рассматривать как тип «формульной истории». Дж. Кавелти проанализировал особенности «формульной литературы» и определил формулу как «комбинацию или синтез специфических культурных конвенций с более универсальной повествовательной формой или архетипом» [6, р. 6]. Понятие формулы позволяет выделять характерные для определенных культур и/или периодов «коллективные фантазии» / квазимифы и проследить их изменение. Можно выделить такие ключевые характеристики формульной литературы: высокая степень стандартизации (герои – универсальные, узнаваемые стереотипы мужского и женского, поддерживают универсальные же сценарии отношений), эскапизм (бегство от действительности, от рутины и неразрешимых проблем достигается не посредством саспенса (suspense – на-

пряжение) психологического плана, но введением дополнительных линий и аспектов сюжета – детективного, фантастического, «эзотерического» типов) и развлекательность (увлекательный сюжет и легкость построения и понимания текста). Кроме того, бульварный роман «гармонизирует конфликт между традиционалистским стереотипом феминности и новыми, современными значениями» мужской и женской ролей [5, с. 54]. Характерная для мира бульварного романа деталь: его мир четко делится на плохих и хороших, с момента своего зарождения в позапрошлом веке и до наших дней бульварный роман не претерпел существенных изменений, кроме того, что, возникнув как произведения с выраженной долей социальной направленности, он быстро и интенсивно стал выполнять развлекательно-эскапистскую функцию. Формульные истории отражают и повторяют не чей-то реальный опыт, а мир и опыт, ими же и созданный и знакомый читателю именно благодаря его «повторению» (и таким образом – закреплению). Психологическая дисгармония вносит напряжение и конфликт в другие сферы взаимодействия, но, как только противостояние «чудесным образом» переходит в любовь, исчезают и все беды: злодеев и «зло» обнаруживают и наказывают, «добро» побеждает и вознаграждается. Дж. Кавелли выделил особый вид идентификации читателя с героями, свойственный формульным историям, где «утверждается идеализированный образ себя» [6, р. 18, 35]. Поэтому бульварная литература актуальна тогда, когда в жизни человека выходят на поверхность и рефлексироваться несбывшиеся ожидания относительно себя и партнера, представления об идеальном партнере и отношениях: происходит «двойная» идентификация с героями, при которой на героя романа проецируются образ идеального партнера, модель идеальных и неидеальных отношений; глядя на героиню, читатели размышляют над собственными иллюзиями, неверными шагами. Идентификационный треугольник (читательница – героиня – герой) – один из компонентов, так притягивающих читателей к романам. «Фиксация актуальных социокультурных напряжений и их гармонизация, эффективное “психотерапевтическое” воздействие посредством эскапистских конструкций делают женский любовный роман “знаком” времени, индикатором ведущих тенденций в массовой культуре и общественных настроениях и ожиданиях», – отмечает О. Бочарова [7, с. 296].

В фокусе внимания массовой, бульварной литературы стоят обычно совсем не эстетические проблемы, а проблемы репрезентации человеческих отношений, которые моделируются и представляются читателям в виде готовых игровых правил и сценариев. А. Цукерман, делясь секретами «приготовления суперромана, которым будут зачитываться миллионы», отмечает, что для успеха роман должен восприниматься как некая «экскурсионная программа», во время которой происходит знакомство с нравами, социальными и политическими условиями той или иной страны [8]. Зачастую персонажи и сценарии, транслируемые бульварным романом, становятся «обманкой», симулякром, о которых пишет Ж. Бодрийяр: «Обманка, зеркало или картина: очарование недостающего измерения – вот что нас околдовывает. Именно это недостающее измерение образует пространство обольщения и оборачивается источником умопомрачения... Стратегия обольщения – это стратегия приманки. Обольщение приманки подстерегает любую вещь, которая стремится слиться с собственной реальностью» [9, с. 167].

Лишая своих героев индивидуальной портретной характеристики, делая их бесплотными и условными кальками внешне привлекательных киногероев, их клонами, авторы русского любовного романа превращают их лишь в маркеры определенных типов. Герои становятся симулякрами, которые Ж. Бодрийяр определял как «злых демонов» современной культуры, при которых «место божественного предопределения занимает столь же неотступное предшествующее моделирование» [10, с. 67].

«Розовая беллетристика» обладает и терапевтическим эффектом: на Западе подобные издания продают даже в аптеках или больших универсальных магазинах в отделах канцтоваров и игрушек. И. Жеребкина отмечает, что «женское прочтение» текстов «основывается на психологическом и социальном женском опыте... на своеобразии женского переживания эстетического опыта... Женщина всегда читает в тексте свой собственный реальный жизненный эксперимент. Результатом такого чтения становится ее собственный текст, буквально – ее “я” как текст. Женское чтение – это дешифровка и обнаружение символизации обычно подавленной и недоступной женской реальности и “вписывание” ее затем в свою повседневную жизнь» [11, с. 69]. При этом «сущность розового романа во всех его жанровых модификациях сводится к любовной истории со счастливым концом» [12, с. 303]. А сущность «мужского романа» – успешно завершенной авантюре [13–19]. Среди важнейших характеристик данного жанра исследователь Е. Улыбина выделяет «высокую повторяемость сюжетных элементов, относительное постоянство состава героев и, главное, сериальный характер продукции» [20, с. 538]. Помимо этого, «важнейшим законом жанра» О. Вайнштейн называет «прямоу читательскую идентификацию с героиней» [12, с. 305] – в таком романе проецируется женский взгляд на действительность. Жесткие жанрово-тематические каноны определяют клишированность заглавий произведений определенных жанров (детектив, триллер, боевик, мелодрама, фантастика, фэнтези, костюмно-исторический роман и др.). Именно заданные модели заглавий, часто вписывающиеся в серийные издательские проекты, должны удовлетворить «жанровые ожидания» читателя и побудить его осуществить читательский выбор. При этом важной особенностью массовой литературы является относительная анонимность произведений: личность автора интересует читателя (и издателя) лишь как гарантия предлагаемого товара [21; 22].

Ситуации, служащие «поводом» для начала обыденной психотерапии в мужском и женском романах во многом сходны, однако сюжеты (сценарии их развития) значимо различны.

1. Больше внимание в женских романах уделяется непосредственно отношениям главных героев – мужчины и женщины, в которых психотерапия – путь достижения гармоничных, «недефицитных», по А. Маслоу [23], отношений, а также отношениям собственно интимно-личностного плана, их возможностям и ограничениям. В мужском романе – «деловым отношениям», их возможностям и ограничениям, как таким отношениям, которые мешают или способствуют психологическому взрослению и решению психологических проблем героев, их отношениям.

2. В мужских романах четче противопоставляются отношения любви (принятия) и неприятия, любви и власти, однако средства достижения обоих типов отношений часто сходны – прояснение ситуации на уровне ее понимания, а также на уровне преобразования – по «идеальным моделям» и на основе ценностей героя («всех поставить на свое место»). В женских романах показано противоречивое единство любви и ненависти-власти, исследуются различия способов создания и поддержания разных типов отношений, «идеальная модель героев» – часто результат совместного осмысления.

3. В мужских романах психотерапия предстает более как решение познавательной и технологической «задачки», а не духовное общение двух людей, «психотерапевт» чаще апеллирует к конкретным представлениям о сути психотерапевтической помощи и психотерапевтических отношений, делая более банальными и плоскими профессиональные – обычно психоаналитические и поведенческие – модели психотерапевтического воздействия на основе постулатов «повседневной мудрости», «фолк-психологии», типа «клин клином вышибают»

и т. д., чтобы ощутить себя способным контролировать себя и другого человека, а также – в перспективе – весь окружающий мир.

В женских романах большее внимание уделяется сложности реальных человеческих отношений, критическое осмысление профессиональной психотерапии, отсюда большее внимание к экзистенциально-гуманистическим принципам и техникам помощи – стремление «проникнуть под кожу» «клиента» («глубокое понимание»), чтобы затем одухотворить понимание человеком себя и мира, привести в него веру в любовь.

В табл. 1 показаны наиболее распространенные варианты развития и противоречий взаимоотношений, в табл. 2 – основные типы сюжетов «мужских романов». Отдельно выделены типичные варианты сценариев, волнующие авторов.

Типичные «психотерапевтические» (реально или потенциально) ситуации или состояния:

1) ситуации «столкновения с реальностью» или с «реальностью другого», в которых субъект (герой, героиня) обнаруживают необходимость пересмотра своих представлений о себе и мире и / или необходимость помощи другим в их пересмотре (30 %). В данном случае мы имеем дело с героями, заинтересованными друг в друге (в отношениях друг с другом) и / или обладающих выраженным стремлением к развитию личной силы (зрелости) через развитие ресурсов, что и побуждает их выйти на прямой конфликт с ситуацией и другим человеком, создавшим эту ситуацию;

2) длительно складывавшаяся ситуация, которая выступает центром конфликта – внутриличностного или межличностного – и требует преобразования с помощью психологических средств, поскольку иные попытки решить ее не имели или не имеют, или не могут иметь никакого результата (60 %), в этом случае «клиент» длительное время стремился скорее адаптироваться и «удержаться», чем развить свои ресурсы и / или считал травмирующий опыт обычным, не ожидая помощи или принятия со стороны других людей;

3) необычная или привычная ситуация, которая выступает как источник психологической травматизации личности и вместе с тем как источник нового опыта – ситуация «ре-переживания» и переосмысления человеком себя и мира (10 %), в последнем случае успешность помощи, что связано как с усилиями участников ситуации – «клиента» и «психотерапевта», заинтересованными в личностном росте клиента и развитии взаимоотношений друг с другом, так и с их личностными особенностями (необычность и сила личности, ее развитие как преодоление собственных ограничений).

Таким образом, речь идет о трех типах ситуаций: 1) потенциально травматичные, если субъект не изменит свое понимание и поведение; 2) актуально травматичные, из которых субъект не может или не хочет искать выхода; 3) ситуации, имеющие двойственное психологическое значение – провоцирующие в силу своего сходства актуализацию «непроработанного» (травматического) опыта и содержащие в себе возможности его осмысления.

В бульварной литературе также встречается и описание профессиональных психотерапевтических отношений – в том числе как пародия на «профессионализм» консультанта (Н. Робертс, Л. Кинсейл, С. Браун, Дж. Макнот, Дж. Линдсей и др.). В этом смысле отношение бульварной литературы и обыденного сознания, во многом отраженного в ней, к профессиональной психотерапевтической помощи близко по оценочному контексту отношению профессиональных психотерапевтов к обыденным: в обоих случаях мы встречаем упоминания о «примитивности», «навязчивости», «малоосознанности» и т. д.

Таблица 1

Сценарии взаимоотношений в «романах для женщин»

Ситуации или состояния	Женщина	Мужчина	Подруга, друг	Соперник (-ца)	Ребенок, дети	Двойники	Родители	Прадеды	Сотрудники	Животные	Предмет
Рождение – смерть					■	■	■			■	
Мнимая смерть – кома		■					■	■			
Свадьба – развод	■					■			■		
Увольнение – новая работа	■			■					■		
Побег – возвращение, встреча		■					■				
Беременность – аборт	■			■						■	
Неожиданная свобода – заключение, похищение			■								■
Новаторство – традиции	■	■			■	■	■	■	■		
Опасность – рутина	■	■		■			■		■		
Насилие – поддержка	■		■		■		■	■		■	
Разрушение – строительство											■
Одиночество – вечеринки	■			■		■	■	■	■		
Монастырь – разврат				■		■		■			
Девственность – проституция	■		■		■	■					
Путешествие – оседлость	■	■	■	■			■		■		

Проанализированные примеры позволили выявить несколько важных моментов.

1. Возможности обыденной психотерапевтической помощи в решении проблемы взаимоотношений и личностного развития героев – на уровне изменения их поведения, способов понимания происходящего и ценностей – близки к возможностям профессиональной психологической помощи, в которой один человек действительно заинтересован в том, чтобы понять и помочь другому, сохранить и / или развить с ним отношения.

2. В обыденной психологической помощи мы встречаемся с несколькими типами схем понимания, типичных для психоанализа, экзистенциально-гуманистической и когнитивной психотерапии, как используемых совместно, так и привлекаемых по мере поиска «действительной» проблемы и путей ее решения.

3. Эффективность помощи противопоставляется успешности, поэтому «долгий поиск себя» не есть «потерянное время», но, напротив, «подготовка к более решительному шагу», быстрые изменения рассматриваются как «подозрительные», требующие «проверки», если не соотнесены с коренным изменением жизни субъекта, его отношений с другими людьми.

4. Происходит «интеграция» психологического, духовного и психофизиологического аспектов помощи и развития личности и межличностных отношений – начинаясь на одном уровне, общение «захватывает» и преобразует остальные.

5. Больше, чем в ситуации профессиональной психотерапевтической помощи, изначально более определенной («якорь понимания»), имеет значение понимание героями ситуаций их взаимодействия, носящих вследствие обнаружения взаимного непонимания конфликтный характер, – наблюдаются постоянные попытки их осмысления и переосмысления как «позитивных», «негативных» и «непонятных», попытки понять себя и другого в контексте этих ситуаций.

6. Перед обыденными «психологом» и «клиентом» стоит задача понимания не только «клиента», но и самих себя – как клиентов и как психотерапевтов, важности собственного понимания и важности быть понятным и понятым другим и т. д.

В профессиональной же ситуации основными фокусами являются понимание психологом клиента и самопонимание клиента, все остальное активизируется позднее – обычно при необходимости более глубокого и «детального» осмысления трудностей и критических моментов психотерапевтического взаимодействия, связанных с поведением и состоянием клиента и / или консультанта, или как момент рефлексии – по окончании встречи. В этом смысле обыденный психотерапевтический контакт более «мобилен»: обратные и прямые связи более интенсивны.

Однако важно разделять постоянную психотерапевтическую помощь – в обыденных некризисных ситуациях, где существует больше, чем в профессиональном взаимодействии, ограничений на прямую и обратную связь и где она дается эпизодически, формируя у клиента представление о «жизненно важном событии» (момента, разговоре, «поворотном пункте»), и кризисную психотерапевтическую помощь, связанную с изменением жизненной ситуации героев, где такое «превосходство» обыденной помощи над профессиональной становится наиболее выпуклым (где «поворотные моменты» образуют целую цепочку, благодаря чему происходит почти полная инверсия понимания клиентом себя и / или окружающего мира). В бульварном романе помощь первого типа оказывается либо «прелюдией», подготовкой «клиента» к более интенсивной помощи (60,0 %), либо фоном для нее (46,7 %), либо подготовкой «консультанта» (опыт открытых, принимающих отношений и противоположность опыту травм, который дает возможность совладания и научения совладанию других людей) (80,0 %).

В целом, возможности и ограничения обыденных психотерапевтически ориентированных контактов приближаются к профессиональным. В некоторых случаях, когда в окружении субъекта не находится человека, могущего помочь, и заинтересованного в такой помощи, более успешной и эффективной может оказаться профессиональная помощь, в которой клиент получает развернутую прямую и обратную связь о понимании им себя и окружающего мира. В случае обыденной психотерапевтической помощи часто наблюдается существование в жизни «клиента» человека, проявляющего желание помочь и способного в силу своего жизненного опыта это сделать. В этом случае он также дает клиенту возможность получить развернутую прямую и обратную связь о себе и других людях в конкретных ситуациях общения с ним. В этом смысле общение с «консультантом» может быть жизненно значимо для клиента по нескольким основаниям, помимо собственно психотерапевтических. Эффективная, продуктивная помощь заключается в обыденном взаимодействии, в сознательном отказе от «психологизирования» как попыток концептуализации (схематизации) проблем «клиента» в пользу обсуждения своего понимания или непонимания клиента, его высказываний и поступков в конкретной ситуации общения с ним, а также по поводу его общения с другими людьми, в которые «консультант» оказывается тем или иным образом включен.

Список литературы

1. *Косолапов М.* Бонд – мифогенетический анализ // Искусство кино. 2000. № 4. С. 52–58.
2. *Тарханова К.* Дамский роман // Искусство кино. 2000. № 6. С. 118–119.
3. *Арпентьева М. Р.* Бульварный роман: повседневные и профессиональные психотерапевтические отношения // Масова література: проблема інтерпретації, змісту та форми: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції. Миколаїв, 2015. С. 10–12.
4. *Арпентьева М. Р.* Межличностные отношения в «бульварных романах» // Культурологічний альманах. Вінниця: ТОВ Нілан-ЛТД, 2015. Вип. 1: Ціннісні зміни молоді та сучасні форми культуротворчості. С. 117–122.
5. *Андрянова И. А.* Бульварный роман: специфика, сюжет, выразительные средства // Тр. Псковского политехнического института. 2006. № 10.1. С. 53–55.
6. *Cawelti J.* Adventure, Mystery and Romance: Formula stories as Art and Popular Culture. Chicago; London, 1976.
7. *Бочарова О.* Формула женского счастья: заметки о женском любовном романе // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 292–302.
8. *Цукерман А.* Как написать бестселлер: рецепт приготовления суперромана, которым будут зачитываться миллионы. М.: Армада, 1997.
9. *Бодрийяр Ж.* Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000.
10. *Бодрийяр Ж.* Злой демон образов // Искусство кино. 1992. № 10. С. 67.
11. *Жеребкина И.* «Прочти мое желание»: постмодернизм, психоанализ, феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000.
12. *Вайнштейн О. Б.* Розовый роман как машина желаний // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 303–331.
13. *Долинский В.* «...когда поцелуй закончился» (о любовном романе без любви) // Знамя. 1996. № 1. С. 235–238.
14. *Кавелти Дж.* Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–65.

15. Козлов Е. В. Серийность в паралитературе: интратекстуальные образования и издательские серии // Массовая литература на рубеже XX–XXI веков: человек и его дискурс: Сб. науч. тр. М.: Азбуковник, 2003. С. 201–211.
16. Кузьмина Н. А. Феномен массовой литературы в свете теории интертекста // Культ-товары: феномен массовой литературы в современной России. СПб., 2009. С. 11–20.
17. Купина Н. А., Литовская М. А., Николина Н. А. Массовая литература сегодня: Учеб. пособие для вузов. М.: Флинта, 2008. 424 с.
18. Черняк М. А. «Новые сказки» о Золушке: типологические черты русского любовного романа рубежа XX–XXI веков // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2004. № 7. С. 115–129.
19. Поршнева А. С., Бороненко А. В. Зарубежный «роман о Золушке»: к истории вопроса // Вестн. Чуваш. гос. ун-та. 2012. № 2. С. 341–351.
20. Улыбина Е. Субъект в пространстве женского романа // Пространства жизни субъекта: единство и многомерность субъектообразующей социальной эволюции / Отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 2004. С. 538–555.
21. Поршнева А. С., Бороненко А. В. К проблеме рецепции зарубежного любовного романа в России // Вестн. Чуваш. гос. ун-та. 2012. № 1. С. 291–295.
22. Bottingheimer R. B. Grimms Bad Girls and Bold Boys: The Moral and Social Vision of the Tales. New Haven: Yale UP, 1987. 234 p.
23. Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. М.: Евразия, 1999. 432 с.

M. R. Arpentieva

Kaluga, Russian Federation

THE MODERN SCIENCE OF STORIES AND A SHOCKER

The article is devoted to empirical and theoretical studies of a salacious novel, its functions in contemporary culture and life, analysis of male and female subjects of tabloid stories. Shocker is not a homogeneous group, in particular, it includes two main subgroups: «novels for women» (novels about love) and «novels for men» («action detectives»). A comparison of these subgroups among themselves showed a General similarity of the plots of pulp novels as the «formula stories». It also showed that many variations of the same story in the interpretations of different authors allow us to consider a novelette as a specific «hypertext», the meaning of which is revealed in the interaction and the mutual superposition of the individual texts. The function of a salacious novel as a phenomenon is broadcast to the General reader some basic effective models of relationships and behavior in everyday and crisis situations – personal and professional life, training these models. Many of these models in varying degrees openly describe the psychotherapeutic approach-oriented relationships are built on the basis of professional myths and ideas of doctors and psychologists, sociologists and philosophers, linguists and anthropologists on the development of personality and its relations.

Keywords: shocker, formula history, therapeutic relationships, myths, behavior patterns, popular culture, theory of the plot, plot.

Arpentieva Mariam Ravilievna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Development and Education Psychology, Kaluga K. E. Tsiolkovsky State University (26 Razin Str., Kaluga, 248023, Russian Federation, mariam_rav@mail.ru)